

СИСТЕМНЫЙ ВЗГЛЯД

О. И. ВАЛЕНТИНОВА
В. Н. ДЕНИСЕНКО
С. Ю. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ
М. А. РЫБАКОВ

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ
КАК
ОСНОВА
МЫСЛИ

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

СИСТЕМНЫЙ ВЗГЛЯД

О. И. ВАЛЕНТИНОВА
В. Н. ДЕНИСЕНКО
С. Ю. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ
М. А. РЫБАКОВ

КАК
ОСНОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

Издательский Дом ЯСК
Москва 2016

ББК 80
УДК 80/81
В 15

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 16-04-16001

**Валентинова О. И., Денисенко В. Н., Преображенский С. Ю.,
Рыбаков М. А.**

В 15 Системный взгляд как основа филологической мысли. — М.: Изда-
тельский Дом ЯСК, 2016. — 440 с. — (Язык. Семиотика. Культура.)

ISBN 978-5-9908330-7-4

Идея системности как возможности увидеть изучаемое целое в развитии, показать функциональное взаимодействие линейных и надлинейных связей, объяснить — исходя из понимания главного свойства системы в надсистеме — их взаимозависимость и прогнозировать дальнейшие изменения объединяет четыре части этой книги.

Объяснительный и прогнозирующий потенциал системного метода раскрывается авторами через поиск смысловых соответствий между концепциями отечественных и зарубежных типологов и выявление интегральной ценности системной лингвистики; через разработку метода моделирования концептосферы как сложного эволюционирующего семантического объекта; через построение причинной типологии текстов, рассматривающей исторические изменения литературного языка как материализацию осознаваемых и бессознательных изменений общественного сознания; через выдвигание и доказательство гипотезы о соотношении типологии языка с типологией стиха. Так авторами книги создается объемное представление о возможностях системного метода в филологии и лингвистике.

**УДК 80/81
ББК 80**

ISBN 978-5-9908330-7-4

© О. И. Валентинова, В. Н. Денисенко,
С. Ю. Преображенский, М. А. Рыбаков, 2016
© Издательский Дом ЯСК, оформление, 2016

Научное издание

**Ольга Ивановна Валентинова, Владимир Никифорович Денисенко,
Сергей Юрьевич Преображенский, Михаил Анатольевич Рыбаков**

СИСТЕМНЫЙ ВЗГЛЯД КАК ОСНОВА ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Корректор Е. Сметанникова
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Подписано в печать 07.10.2016. Формат 70х100/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 35,5. Тираж 600. Заказ №

Издательский Дом ЯСК. № госрегистрации 1147746155325
Phone: 8 (495) 624-35-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	11
ЧАСТЬ I. М. А. Рыбаков	
РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ТИПОЛОГИЧЕСКОМ СХОДСТВЕ ЯЗЫКОВ: ОТ МНОГОМЕРНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ Э. СЕПИРА ДО СИСТЕМНОЙ ТИПОЛОГИИ Г. П. МЕЛЬНИКОВА	17
Основные проблемы лингвистической типологии	19
Система и структура языка	23
Типология и классификация	26
<i>Типологическая система В. фон Гумбольдта</i>	27
<i>Поиск новых путей в типологии</i>	28
<i>Отношение Ф. де Соссюра к типологии</i>	29
<i>Синхронно-семантическая морфологическая типология Э. Сепира</i> ...	30
<i>Проблема диахронии в концепции Э. Сепира</i>	33
<i>Позиция Л. Блумфилда</i>	34
<i>Структурные идеи Н. С. Трубецкого и Р. Якобсона</i>	35
<i>Московская формальная (фортунатовская) школа</i>	36
<i>Системологические идеи бодуэновской школы</i>	38
<i>Проблема стадильности</i>	43
<i>Стадильная схема И. И. Мещанинова</i>	46
<i>Развитие стадильного подхода С. Д. Кацнельсоном</i>	49
<i>Многомерно-доминантный подход В. Г. Адмони</i>	51
<i>Синтезирующая линия в изучении типологической динамики</i>	52
<i>Актуальные проблемы типологии середины XX века</i>	53
<i>Традиционные морфологические типы в контексте современной типологии</i>	55
Перспективы создания семантической типологии языков	62
<i>Типология семантических полей</i>	63
<i>Истоки семантической типологии</i>	64
<i>Структурная модель семантической типологии</i>	67

<i>Типология лексико-семантических категорий</i>	72
<i>Контенсивная типология</i>	75
Основы системной методологии и определение языка в системной лингвистике	82
<i>Системология Г. П. Мельникова</i>	83
<i>Взаимодействие внутренней и внешней формы</i>	84
<i>Язык и модель, система и структура</i>	86
Системная типология Г. П. Мельникова	87
<i>Методологическая основа</i>	87
<i>Принципы системной типологии</i>	90
<i>Детерминанты и ракурсы</i>	91
<i>Детерминанты и морфологические типы</i>	93
<i>Системная трактовка синтаксической классификации</i>	96
<i>Системная трактовка стадийности</i>	98
Типологический анализ категории падежа	100
<i>Геометрические модели падежей</i>	100
<i>Истоки системного подхода к категории падежа</i>	101
<i>Сопоставление моделей</i>	103
<i>Семантическая модель падежа в трудах А. Ф. Лосева</i>	109
<i>Семантическая противоположность в падежной системе</i>	112
<i>Синтагматическая типология падежных показателей</i>	117
<i>Падеж в системной лингвистике</i>	121
Системная теория предикации	125
Внутренняя форма морфологических типов	127
ЛИТЕРАТУРА	131
 ЧАСТЬ II. В. Н. Денисенко	
МОДЕЛИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА	137
Глава 1. МОДЕЛИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	139
Глава 2. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТОДА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ	146
Познавательные возможности метода семантического поля в области сравнительно-типологического исследования языков.	146
Основы функциональной интерпретации семантического поля.	151

Функциональная структура семантического поля как системное отражение фрагмента внеязыковой действительности	160
<i>ЛИТЕРАТУРА</i>	168
ЧАСТЬ III. О. И. Валентинова	
СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ТЕКСТА И СТИЛЯ: ОБОСНОВАНИЕ ПРИЧИННОЙ ТИПОЛОГИИ ТЕКСТОВ	
Глава 1. СРЕДНЕВЕКОВАЯ МОДЕЛЬ СООТНОШЕНИЯ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ	171
Причинные основания конструктивной сложности средневекового текста: литургийная проповедь митрополита Илариона	179
Необходимость «чрезмерного»: смысл древнерусского вербального искусства в эпоху расцвета русской святости	195
Глава 2. ПРЕОДОЛЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРИНЦИПА СООТНОШЕНИЯ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ ОБМИРЩЕННЫМ СОЗНАНИЕМ	207
Разрыв времен: смыслоразрушительные контексты жития огнепального протопопа.	207
<i>Субъективация ритмической модели текста</i>	<i>207</i>
<i>Искажение средневекового герменевтического статуса библейских образов</i>	<i>215</i>
<i>Трансформация молитвы и обряда в смысловые противоположности</i>	<i>220</i>
<i>Подмена средневекового принципа аналогии</i>	<i>224</i>
<i>Семиотическая дискредитация чудесного</i>	<i>225</i>
<i>Смыслоразрушительный вектор каламбура.</i>	<i>227</i>
<i>Утрата символического начала.</i>	<i>229</i>
Сожаления об утраченном: реконструкция мировоззренческого кода «высокого слога»	237
Предельное обрушение высокого в литературных опытах А. С. Пушкина.	241
Глава 3. ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ КАК ОСНОВНОЙ ВЕКТОР ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗМЕНЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА	248

Глава 4. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ: ВИДИМЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ	256
Экспансия казенного стиля: причины и последствия	256
Заблуждения инерционного мышления	261
Мнимость прекрасного	267
Глава 5. ВОЗМОЖНОСТИ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	272
Контекст и его границы	272
Механизм непонимания	275
Поиски механизма понимания	277
<i>Стадии функционирования доминанты</i>	278
<i>Основные свойства доминанты: векторность, активность, устойчивость</i>	280
<i>Функции доминанты</i>	282
<i>Взаимодействие доминанты с психологическими процессами.</i>	284
Выражение глубинной причинности художественного текста — сущность доминанты	286
Иерархичность доминанты и проблема уровней доминантного анализа	287
<i>Доминанта идейно-эстетического уровня</i>	288
<i>Доминанта образно-композиционного уровня</i>	290
<i>Доминанта эстетико-языкового уровня</i>	295
Доминанта как возможность осуществления целостного и экономного анализа одновременно	298
ЛИТЕРАТУРА	299
 ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. С. Ю. Преображенский	
СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ СТИХА	303
Синергетические увлечения: очередной «тренд» или возвращение к системологии	310
Объясняющие возможности системной лингвистики	316
Системная модель и анализ стихотворной речи	318
«Шевченковский» шестисложник как общеславянская двуакцентная и двусловная стихема	320
<i>Возможные источники увеличения долготы гласного в первом слоге стихемы</i>	320

<i>Компенсаторная долгота слога как дифференциальный признак стихемы «шестисложник»</i>	323
<i>Шестисложник как ареальная версификационная универсалия</i>	326
<i>Шестисложник — стихема, амбивалентная в отношении силлабики / силлабо-тоники</i>	336
<i>Шестисложник как ритмическая доминанта и его интерпретативный потенциал</i>	337
<i>Шестисложник как проблема перевода в современном украино-русском версификационном контексте</i>	342
Гипотеза о типологической близости микрополиметрии и молитвословного стиха	351
Логаэд адоний как интернациональная двусловная стихема.	359
Версификационные контексты стихемы «адоний»	362
Адоний на почве польской акцентной системы	363
Компенсаторная долгота и «песенный» адоний	366
Стихема «адоний» в балто-германском ареале	368
<i>ЛИТЕРАТУРА</i>	373
ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ (сост. Н. А. Бубнова)	377
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ (сост. Н. А. Бубнова)	387
СЛОВАРЬ КОНЦЕПТУАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ПОНЯТИЙ	395

ПРЕДИСЛОВИЕ

Влияние гения Геннадия Прокопьевича Мельникова более всего выразилось в восприятии мысли, что вне понимания целого как системы объяснительные возможности науки оскудевают, обессилевают — искажается само представление о причине и вызванных ею последствиях.

Авторами этой книги идеи системности воспринимались и эмоционально — через личность Г. П. Мельникова: бывшее для него характерным ощущение мысли как глубокого внутреннего переживания. Ему приходилось каждый раз доказывать уже однажды доказанное, ставшее для него очевидным, философски и практически необходимым для понимания истины и жизни.

Учение Г. П. Мельникова о внутренней — типологически характерной — детерминанте языка как о едином системообразующем начале, обусловленном внешней детерминантой — ландшафтно-климатическими условиями жизни языкового коллектива и особенностями общения, — идеально рифмовалось с научной позицией профессора Льва Алексеевича Новикова, интеллектуальным нервом которой был доведенный до высоты и бескорыстности искусства неослабеваемый интерес к эстетическому знаку.

Когда массовая лингвистическая жизнь достигла опасно близкой к бессмысленности степени расщепленности «объекта изучения», штампуя «подобных флюсу специалистов», на кафедре общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов, возглавляемой профессором Л. А. Новиковым, в противотоке к общему движению в работах профессоров Геннадия Прокопьевича Мельникова, Льва Алексеевича Новикова, Людмилы Георгиевны Зубковой развиваются идеи системного взгляда на язык.

Студенты слушают уникальные курсы: Г. П. Мельникова по объяснительной грамматике русского языка, актуальным проблемам типологии языков, системной лингвистике, методологии лингвистики, Л. А. Новикова по лексической семантике русского языка, логике, общей семантике и семиотике, языку художественной литературы, курс Л. Г. Зубковой по общему языкознанию, рассматривающий вопросы общего языкознания в динамике представленных по текстам-первоисточникам изменяющихся представлений лингвистической мысли — от античности до дня настоящего.

В разное время эти курсы слушают авторы этой книги:

Владимир Никифорович Денисенко, сейчас доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов;

будущие аспиранты профессора Льва Алексеевича Новикова: московский поэт Сергей Юрьевич Преображенский, сейчас кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания, и Ольга Ивановна Валентинова, сейчас доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания;

Михаил Анатольевич Рыбаков, сейчас кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов.

Идея системности объединяет четыре части этой книги в целое, а ее авторов — в исследовательское содружество, скрепленное общими методологическими взглядами на науку. Не буква, а дух лежит в основе единения — понимание объекта исследования как живой, определяемой условиями общения системы, чьи — теоретически объяснимые — изменения носят иерархически взаимозависимый характер. Это методологическое наследство стало результатом творческого взаимодействия ученых, работавших на кафедре общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов: Л. А. Новикова, Г. П. Мельникова, Л. Г. Зубковой, Ю. Н. Караулова, приглашенного Л. А. Новиковым к сотрудничеству.

Композиционное решение книги — книга в 4-х частях, — позволяя раскрыть исследовательскую индивидуальность каждого ученого, дает возможность удостовериться в научной результативности системного подхода в изучении объектов разных параметров: от типологии языков — до типологии стихотворной строки в типологически различных языках; разного качества: языка «естественного» и языка искусства; в различных плоскостях: семантической типологии языков, моделировании языка в свете представлений о языковой личности, исторически значимой причинной типологии текстов, типологии стиха как семиотически и коммуникативно значимой единицы стихотворного текста.

Написанная М. А. Рыбаковым первая часть этой книги — «Развитие представлений о типологическом сходстве языков» — показывает, как обаяние системной лингвистики сказывается на формировании концепции, рассматривающей общую парадигму типологии как результат естественной эволюции научных взглядов на принципы моделирования языка как главного объекта лингвистики.

В отличие от ряда теоретиков М. А. Рыбаков стремится анализировать не столько противоположения, сколько сходства позиций авторов наиболее

значимых типологических моделей, акцентирует внимание на наличии общих положений, имеющих историческую исследовательскую перспективу. В концептуальной картине М. А. Рыбакова лингвистические школы предстают как закономерно дополняющие друг друга.

Раскрытие смысловых соответствий между идеями отечественных и зарубежных типологов XX века, поиск взаимодополняющих принципов в континентальной, семантической, структурной и функциональной лингвистике, выявление интегральной ценности системной лингвистики определяют не только новизну, но и нетривиальность предпринятого исследователем подхода.

Системный метод — при такой постановке вопроса — оказывается значимым и для типологического языкознания, и для понимания истории лингвистической науки. Именно системный подход дает возможность объяснить причины сходства и различия языков, взаимосвязи между отдельными характеристиками языка, построить адекватную типологическую классификацию и одновременно раскрывает истоки достижений и неудач различных типологических концепций, позволяя выстроить логичное объяснение истории типологических идей в языкознании.

Обсуждаемые исследователем идеи сходятся, как в смысловом фокусе, в разделе, посвященном системной модели русской падежной системы. В период тотального господства в типологии модели «глубинных падежей», рассматриваемых как логико-семантическая универсалия, которая находит приложение при описании всё более неожиданных объектов и доводится до абсолютизации в совершенно невероятных масштабах, обращение к более «грамматикализованной», не претендующей на универсализм, но обладающей высоким объясняющим и прогностическим потенциалом коммуникативной (в истинном смысле слова) концепции требует, в частности, твердости и честности исследовательской позиции. Раздел о падеже дает представление об эволюции взглядов и сумме совпадений у Р. О. Якобсона, А. Ф. Лосева, И. М. Тронского, Г. П. Мельникова и выстраивает уже законную лингвистическую традицию, не исчерпывающуюся заведомыми адептами системной лингвистики в лице учеников Г. П. Мельникова — А. Ф. Дрёмова и С. А. Лутина.

Оправданно соседство двух авторов — М. А. Рыбакова и В. Н. Денисенко, — и не только в согласии с логикой композиции книги. Оба ученых входили в науку вслед за своим руководителем — профессором Аидой Васильевной Широковой — в качестве наследников «фортуноватовской формальной школы», как бы архаично на тот период ни звучало такое определение. Аида Васильевна и Олег Сергеевич Широковы были убежденными продолжателями идей «московского формализма». Однако эволюция взглядов В. Н. Денисенко выразилась в обращении к моделированию полей концептов и солидаризации с той научной

традицией, в которой он продолжил свои исследования. В известной степени сказалась близость к Л. А. Новикову, что нашло отражение в таксономической строгости и исчерпывающей убедительности построений, но более всего, как кажется, в представлении о системном характере семантических связей, явлены ли они на уровне лексической семантики или на более сложном и подвижном смысловом уровне — в концептосфере. Здесь нельзя не отметить связь со школой концептологии, складывавшейся вокруг идей Ю. С. Степанова, чей выдающийся вклад в эту область лингвистической науки, к сожалению, в полной мере не был материализован. Тем ценнее работы В. Н. Денисенко, синтезирующие представления Ю. С. Степанова о концепте и дискурсе с естественно с ними связанной моделью языковой личности и ее ассоциативного тезауруса, начало разработки которой предложено Ю. Н. Карауловым. Эти традиции складывались еще и в личном общении В. Н. Денисенко с Л. А. Новиковым, Ю. С. Степановым, Ю. Н. Карауловым.

История преемственности и влияний в науке более сложна и не столь прямолинейна, как может показаться на первый взгляд. О. С. Широков учился, правда недолго, у Алексея Федоровича Лосева. Алексей Федорович Лосев шел к системной лингвистике от философии, Геннадий Прокопьевич Мельников — от математической логики и кибернетики, точнее, теории больших систем. Математическая же логика в базовой своей части — логике дедуктивной — сформировалась не в «точных» науках, а в риторике, обращенной к вопросам смыслоразвития и текстопостроения.

К тексту, к выявлению объяснительного потенциала системного метода в исследовании текстов самой разной этиологии обращена вторая половина этой книги — ее третья и четвертая части, написанные учениками профессора Л. А. Новикова.

«Обоснование причинной типологии текстов» — изложение концептуальной позиции О. И. Валентиновой в ее взглядах на исторические изменения литературного языка как на материализацию изменений общественного сознания, осознаваемых и бессознательных.

Опираясь на известное в исторической и биологической науках представление о том, что различить историческое событие / мутацию — в свете решаемой ученым проблемы: отраженное в исторически новом принципе соотношения знака и значения исторически значимое изменение общественного сознания — невозможно, не трансформируя линейное время во время дискретное, прерывистое, ученый вводит в филологическую науку понятия смыслоформирующего контекста, многократно закрепляющего семантическую структуру слова, и смыслоизменяющего контекста — нарушающего прежние принципы семантической организации слова. Так — в перспективе сквозной идеи автора о том, что вне понимания динамических изменений контекста сохраняющийся

автоматизм восприятия ведет к глобальному искажению действительности текста, языка и сознания, — обосновывается необходимость различения исторических периодов, нацеленных на воспроизведение либо одного, либо другого типа контекста.

О. И. Валентинова представляет в этой книге герменевтическую, связанную с культурой понимания, исследовательскую традицию, однако она органически связана прежде всего с соответствующей «концептологической» и «дискурсивной», поскольку, определяя тенденцию к десакрализации как смысловую, а значит, стилистическую доминанту в развитии русского литературного языка, ученый работает именно в области формирования смыслов, то есть в области формирования концептуальной системы определенной исторически самостоятельной культуры текстопорождения. Здесь в качестве эпистемически исходной соблазнительно указать на виноградовскую идею моделирования истории литературного языка, «исторической стилистики». Такой взгляд на вещи разделял ученик В. В. Виноградова — Л. А. Новиков. Надо подчеркнуть, что эта позиция имеет значительные перспективы в свете сообщения дискурсивным исследованиям, во-первых, недостающей им исторической мысли, во-вторых, системного синтеза в исследованиях о смыслообразовании и концептуализации мира в целом, особенно на фоне установившихся уже нарратологических традиций, адресующих к синхронической эссеистической манере анализа. Кроме того, сама методика герменевтической работы с текстом роднит позицию О. И. Валентиновой с принципами, например, Г. И. Богина, концептуально двигавшегося от имманентизма к универсализации герменевтической модели, извлекавшего из конкретных заключений общие правила понимания и толкования в условиях «деятельностного» общения с текстом.

Четвертая часть книги — «Системный анализ стиха» — во многом уникальна. Уникальность состоит не только в постановке проблемы — неожиданной для стиховедения в частности и филологии в целом попытке спроецировать идеи системной лингвистики Г. П. Мельникова на представление о вторично сегментирующем речевой поток стихе как речевой и языковой данности и выстроить в дальнейшем типологию стиха, соотнося ее с типологией языков, но и в особенном, синтезированном взгляде на вопросы стихосложения поэта и ученого, совпавших в личности С. Ю. Преображенского.

Поэт, как и каждый художник, мыслит образами, еще поэт мыслит ритмически. Но далеко не каждый поэт внутренне настроен, как С. Ю. Преображенский, на то, чтобы воспроизводить, стилизовать, гиперболизировать и поэтически иронизировать над внешними для своего языка ритмическими моделями. Творчество как мироощущение автора и научная рефлексия над своим и чужим творчеством делают четвертую часть книги и фактом науки, и фактом

искусства. Ритмически организованное пространство семантически преобразует иллюзорно узнаваемые смысловые данности. Установить направление преобразования, задаваемое определенной ритмической схемой, и обнаружить связь ритмической схемы с типологическими свойствами языка — неизвестная науке ранее постановка вопроса.

В конечном счете эта книга усилиями своих авторов дает объемное масштабное представление о системном методе как основе филологической мысли в ее прошлом, настоящем и будущем.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

М. А. РЫБАКОВ

**Развитие представлений
о типологическом сходстве языков:
от многомерной классификации
Э. Сепира
до системной типологии
Г. П. Мельникова**

Основные проблемы лингвистической типологии

Наша задача — проанализировать развитие системного подхода к решению проблем лингвистической типологии в языкознании XX века и раскрыть объяснительную силу системного представления типологического разнообразия языков.

Основной вопрос лингвистической типологии: насколько языки мира похожи друг на друга и насколько они отличаются друг от друга, каковы границы языкового разнообразия, границы возможного и невозможного в языках мира?

Для решения этих вопросов типологам необходимо найти как общие свойства всех языков мира, так и все самые редкие особенности: звуки, морфологические формы, синтаксические конструкции, которые встречаются всего в нескольких или даже в каком-либо одном языке, но еще важнее и сложнее найти типичные языковые структуры, что позволит выделить классы структурно похожих языков.

Чрезмерное увлечение поиском общих закономерностей нередко приводило типологическую лингвистику к схематическому описанию языков, игнорированию их существенных различий в материальной, формальной структуре, а еще в большей мере — в области семантического содержания языка, которое представлялось надязыковым, универсальным. Чрезмерное увлечение поиском специфических особенностей и редких фактов приводило типологию к отказу от поиска типичного и от построения классификации.

Типология требует от исследователя учета огромного и разнородного материала и одновременно целостного представления всего этого материала, а также умения видеть различное в похожем и общее в различном.

Сходные грамматические, фонологические и лексико-семантические явления возможны в языках как родственных, так и неродственных друг другу. Родственные языки обязательно будут иметь некоторые сходные типологиче-

ские черты, хотя структурный тип родственных языков (изначально общий) со временем может значительно измениться.

Современная типология тесно связана с теориями функционального направления в современной зарубежной лингвистике, т. е. такими, которые объясняют пределы наблюдаемого разнообразия языков условиями и целями их использования. Обратим также внимание на то, что системная лингвистика, развивающая идеи В. фон Гумбольдта — А. А. Потебни — Г. П. Мельникова, обращается к характеристике типичных условий коммуникативного функционирования языков для объяснения ведущих системных языковых типов (детерминант).

Представление о типичных языковых структурах, присущих различным языкам, значимо не только для общей теории языка — оно полезно для создания стандартных методик перевода и преподавания языков в иностранной аудитории, прогнозирования типичных учебных и переводческих проблем в отношении конкретных пар языков на основе знаний об их принадлежности к определенному типологическому классу.

Лингвистическая типология изучает не частные, единичные случаи сходства и различия языков, а только такие, которые носят общий характер, то есть охватывают широкий круг однородных признаков.

Мысль о сопоставлении языков как новом направлении в языковедческой науке возникла в начале XX века одновременно с идеей синхронного описания языков. Оба эти направления противопоставлялись сравнительно-историческому языкознанию как единственному научному подходу в исследовании языка в понимании младограмматиков. При этом оба новых подхода заимствовали некоторые принципы сравнительного языкознания, в том числе эмпиризм, внимание к методике анализа, особое внимание к фонетическому и грамматическому строю языка. Дескриптивная лингвистика осваивала материал современных языков, типология по-своему использовала принципы сравнения и классификации.

Сопоставительные исследования языков дали богатый материал для типологии, однако еще не составили типологии в точном смысле этого слова. Типология предполагает классификацию и систематизацию разнородного языкового материала, выделение классов языков, имеющих одинаковую структуру. Первоначально речь шла о морфологических структурах, которые наиболее удобны для систематизации, так как характеризуются достаточно компактным набором классифицирующих признаков и дают ограниченное число языковых классов.

В дальнейшем типология развивалась в нескольких направлениях:

- 1) поиск новых уровней и объектов для типологического исследования;
- 2) попытки построения комплексных (многомерных) классификаций;
- 3) поиск нового организующего принципа типологической классификации взамен морфологического (построение классификации на семантической или синтаксической основе).

Начиналась типология с классификации языков по характеристикам их внешней, грамматической формы, при этом нередко считалось, что грамматическое содержание языков универсально и определяется логическими законами человеческого мышления. Однако в последние десятилетия наблюдается значительный интерес к типологии морфологических категорий: залога, вида, времени, наклона, класса (рода), числа и т. д. Было установлено, что наблюдаемые различия между языками в семантике морфологических категорий не безграничны и представляют собой случаи различного выбора из единого универсального множества грамматических значений. Прогресс грамматической семантики позволил прийти к заключению, что структура грамматических категорий и значений, аналогично формальным структурам, имеет наряду с универсальными собственными специфические и типологические особенности.

Новым и перспективным направлением является семантическая типология, которая опирается на обширный, но теоретически необобщенный материал сравнительно-исторической семасиологии, этнолингвистики и теории перевода. Указанные лингвистические дисциплины хотя и обращались к проблемам семантических сходств и различий между языками, но делали это в своих целях: для доказательства родства языков, для демонстрации этнической специфики языков, для преодоления трудностей перевода лексических единиц. Семантическая типология ставит иную цель — объяснить, каким образом языки мира отражают содержание человеческого мышления, т. е. объяснить сходства и различия семантической организации языков.

Предмет семантической типологии составляют проблемы сопоставимости лексических и семантических единиц, категорий и классов, установления критериев сопоставления, выявления универсальных и типологических признаков в области семантики. Семантическая типология невозможна без теоретически обоснованной классификации отдельных фактов лексики и семантики, например выделения типов синонимов, антонимов, многозначных слов.

Важно отметить, что объективное исследование семантической специфики языка стало возможным не в рамках частной лексикологии, как можно было бы ожидать, а в тех концепциях общего языкознания, которые ставили фундаментальные вопросы о природе языка и его связи с мышлением и культурой.

Семантическая типология в первую очередь изучает сходства и различия в области значений: соразмерность значений, общность семантических признаков, широту употребления данного значения, реализацию общего значения в конкретных вариантах, лексическую значимость. Наиболее сложным системным объектом семантической типологизации являются языковые картины мира, совмещающие в себе универсальные и национально-специфичные концепты.

Характерными тенденциями развития типологии в конце XX — начале XXI века стали:

- поиск объяснений сходств и различий языков;
- расширение круга привлекаемых для исследования языков;
- использование компьютерных баз данных;
- стремление к единой интернациональной терминологической системе (в рамках отдельных школ и более крупных научных направлений).

Объяснительная сила системного подхода к анализу языковых категорий рассматривается в нашей работе на примере падежа. Грамматическая категория падежа понимается в системной лингвистике как специальное морфологическое средство обозначения ролей участников ситуации в соответствии с типичной композиционной схемой, задающей основные характеристики сообщения. Системная лингвистика объясняет универсальные свойства языка вообще и специфические свойства отдельных языковых типов путем установления связей между структурными чертами языка и его функционированием в процессе коммуникации. Поэтому в трудах Г. П. Мельникова не случайно уделялось повышенное внимание условиям передачи информации в этнических сообществах различного типа (микроколлективах, макроколлективах, мегаколлективах).

Классификация падежных функций, предложенная в системной лингвистике, позволяет сопоставлять падежные системы языков с учетом различий в семантике падежных форм, что особенно важно в тех случаях, когда за одинаковыми названиями падежей скрывается различие в функциях падежных форм и в значимости этих форм в падежной системе в целом. Системологический подход позволяет лингвистам избежать крайности схематического универсализма, с одной стороны, и отказа от типологического подхода к языку — с другой, и диалектически объяснить связь отдельных форм и категорий с системой языка в целом.

Таким образом, системная трактовка падежа позволяет увидеть недостаточность характеристики падежа как 1) формальной, лишенной значения синтаксической категории, указывающей на синтаксические связи в предложении, 2) «объективной» логико-грамматической категории, выражающей общую для всех языков семантику субъектно-объектных отношений.

Морфологическая категория падежа в свете системной лингвистики предстает как грамматикализованная форма выражения типичных ролей участников и фактов в сюжетной структуре изображаемой высказыванием ситуации, сложившейся в реальном мире. При этом падежная система конкретного языка отражает структуру категорий, значимых для типичной предикативной схемы высказывания в языках данного типа, а выбор говорящим конкретной падежной формы при наличии синтаксических вариантов построения предложения отражает коммуникативный замысел говорящего, в том числе указание на актуальное членение и реальную значимость ролей участников с точки зрения говорящего.

Во многих направлениях современной лингвистики можно увидеть стремление к системному решению проблемы построения типологической

классификации языков, однако системный подход к проблемам типологии далеко не сразу привел к построению системной типологической теории.

Что же мешало системной интерпретации типологических данных и что же необходимо для построения по-настоящему системной теории, объясняющей языковые сходства и различия?

Именно эти вопросы являются центральными в нашем исследовании.

Система и структура языка

Система — это целостная совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых элементов и отношений между ними, выполняющая некоторую функцию в рамках более крупной системы.

Структура — это отношения между элементами, способ организации системы.

В общей теории систем установлены следующие возможные подходы к изучению системного объекта:

- элементный (инвентарно-таксономический) подход — изучение отдельных составляющих элементов;
- структурный подход — изучение отношений внутри объекта;
- стратификационный подход — изучение иерархии;
- топологический подход — изучение пространства признаков;
- функциональный подход — изучение функций элементов и системы в целом;
- системный подход — изучение системы как связного целого.

Каждый из этих подходов используется в типологии. Выбор конкретных подходов диктуется теоретическими принципами различных научных школ либо задачами исследования. Наибольшей объясняющей силой обладает системный подход, всегда позволяющий включить как составную часть исследования другие подходы.

Термины *система* и *структура* нередко употребляются как синонимы. Это неточно, поскольку они хотя и обозначают взаимосвязанные понятия, но в разных аспектах. *Система* обозначает взаимосвязь элементов и единый принцип их организации, *структура* характеризует внутреннее устройство системы. С понятием о системе связано исследование объектов в направлении от элементов к целому, с понятием структуры — в направлении от целого к составным частям. Четкое разграничение системы и структуры дано в следующем определении:

Устройство, организация или упорядоченность системы, т. е. структура системы, определяются характером взаимоотношений элементарных объектов, или

элементов системы. Структуру системы можно иначе определить как совокупность внутрисистемных связей [Солнцев 1978: 29].

Некоторые ученые дают этим терминам специфическое толкование. Так, согласно А. А. Реформатскому, система — это единство однородных взаимообусловленных элементов в пределах одного яруса, а структура — единство разнородных элементов в пределах целого [Реформатский 1996: 32, 37].

Понятие *системы* играет важную роль в лингвистической типологии. Оно разъясняет взаимосвязь различных явлений языка, подчеркивает целесообразность его устройства и функционирования. При системном подходе язык понимается не как простой набор слов и звуков, правил и исключений, а как целесообразно организованное целое. Не менее важным является и понятие *структуры*. При общности главных принципов устройства языки мира отличаются друг от друга, и эти отличия состоят в своеобразии их структурной организации, так как способы связи элементов могут быть различными. Это различие структур как раз и служит для группировки языков по типологическим классам.

Элементами языковой системы являются знаки (морфемы, слова, структурные схемы словосочетаний и предложений) и структурные компоненты знаков (фонемы).

Языковой знак может быть знаком кода и знаком текста. Знаки кода существуют в виде системы противопоставленных в языке единиц, связанных отношением значимости, которое определяет специфическое для каждого языка содержание знаков. Знаки текста существуют в виде формально и по смыслу связанной последовательности единиц.

Значение — это содержание языкового знака, образующееся вследствие отображения внеязыковой действительности в сознании людей. Значение языковой единицы в системе языка виртуально, т. е. определяется тем, что данная единица может обозначать. В конкретном высказывании значение языковой единицы становится актуальным, поскольку единица соотносится с конкретным объектом, с тем, что она реально обозначает в высказывании.

В естественном языке слово выступает как знак (фонетическое слово) и как единство знака и значения (лексическое слово).

Слово — дискретный сигнал синкретичной мысли. Данное определение означает, что слово, в отличие от мысли, обладает свойством отдельности. Как знак оно вычленимо из потока речи, тогда как его значение передает нелинейную, многоплановую, нечленимую на отдельные осязаемые сегменты мысль. Слово — компактный квант информации; знак, способный при изменении формы и даже без него получить дополнительное значение. Это качество отличает слово от искусственных (кодовых) знаков.

Слово описывает различные явления, в отличие от образа, который их изображает.

Схема 1

Континуум конвенциональности слова

↑ ↓	О Б Р А З	
	Звукоподражательное слово	<i>звяк, бух, мяу</i>
	Сложное слово	<i>тысячелистник</i>
	Производное слово	<i>изготовитель</i>
	Непроизводное слово	<i>дом</i>
	Займствованное слово	<i>какаду</i>
	Термин	<i>сервер</i>
Служебное слово	<i>к</i>	
	С И М В О Л	

У слов есть внешние и внутриязыковые системные связи. По сравнению с образами у слов более сильны внутренние и более слабы внешние связи. По сравнению с кодовыми знаками у слов внешние связи сильнее, а внутренние слабее.

Короткие синтагматические отрезки естественного языка поддаются более строгой формализации, большие отрезки — менее строгой.

По степени жесткости (строгости правил построения сложных знаков и правил употребления знаков) языковые и речевые структуры разных уровней образуют континуум.

Таблица 1

Континуум жесткости языковых и речевых структур

Уровень	Характеристики	Тип представления
Фонетика	Сочетания звуков строго закреплены самим языком (синхронные фонетические законы)	Таблицы
Морфология	Сочетания морфем в слове закреплены словарным составом языка, но в речи возможны окказиональные слова	Парадигмы
Синтаксис	Есть правила языка, но в речи возможен выбор средств	Схемы
Текст	Есть рекомендации стилистики, но нет формальных правил	Образцы

Специфика языка как знаковой системы в сравнении с естественными и образными системами заключается в конвенциональности и абстрактности знаков, в более высокой роли синтактики.

Специфика языка в сравнении с кодовыми системами заключается в его большей открытости, динамичности, вариативности, меньшей строгости правил синтактики и семантики.

Типология и классификация

Философский энциклопедический словарь трактует типологию как метод научного познания, в основе которого лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа. Этот термин употребляется и в значении «результат типологического описания и сопоставления» [Огурцов 1989: 656]. В лингвистике понятие типологии конкретизируется как сопоставительное изучение структурных свойств языков независимо от степени их родства. Кроме того, типология понимается как выделение разновидностей (типов) какого-либо языкового явления.

С типологией тесно связана таксономия — теория классификации и систематизации сложноорганизованных областей действительности, которая занимается разработкой системы таксономических категорий, обозначающих соподчиненные группы объектов. Термином *таксономия* называется и сама классификация.

Наряду с **таксономией** (понимаемой как теория классификации) и **классификацией** (понимаемой как результат типологического исследования) выделяют **систематику** — изучение разновидностей объектов и связей между группами объектов.

По мнению Э. Бенвениста, языки представляют собой такое сложное явление, что классифицировать их можно, только используя несколько самых разных принципов. При этом полная и всеобъемлющая типология должна выстроить иерархию морфологических признаков [Бенвенист 1963: 51]. Наиболее разработанной Э. Бенвенист считал классификацию Э. Сепира, но уже А. А. Реформатский показал, что она далеко не полно отражает свойства языков [Реформатский 1987].

В научной классификации свойства объекта поставлены в функциональную связь с его положением в определенной системе. Развитие науки связано с переходом от описательных классификаций, упорядочивающих в удобной форме накопленные опытные результаты, к структурным — позволяющим раскрыть сущность классифицируемых объектов.

В лингвистике XX века не раз были высказаны сомнения относительно научной значимости традиционной морфологической классификации, и все-таки существует ряд причин, обуславливающих ее полезность и теоретическую обоснованность. Ценность этой классификации состоит не только

в систематизации фактов, но также и в ее объяснительной силе при рассмотрении языка как развивающейся и саморегулирующейся системы.

С момента создания этой классификации делались попытки осмыслить ее как воспроизведение основных моментов движения, развития языка как целого. Так, уже В. Гумбольдт видел в основных типах морфологической классификации ступени всё более совершенного разрешения человеческим разумом задачи языкотворчества — слияния в языке формы и содержания, субъективного и объективного миров.

Типологическая система В. фон Гумбольдта

В. Гумбольдт дает следующую характеристику типам языков:

1) флективный тип — тщательное оснащение слова грамматическими указателями его связей внутри предложения;

2) агглютинативный тип — не доведенная до совершенства флексия, механическое добавление, используемое в качестве флексии;

3) изолирующий тип — косвенное, большей частью нефонетическое обозначение связей слов в предложении; слова совершенно обособлены, единство предложения создается порядком слов и особыми, тоже изолированными, словами;

4) инкорпорирующий тип — тесное сплочение всего предложения, насколько это возможно, в единую, слитно выговариваемую форму; предложение вместе со всеми его частями рассматривается не как составленное из слов целое, а как отдельное слово.

Типологическую характеристику языков при помощи указанных понятий основоположник научного языкознания считает той осью, «вокруг которой обращается весь языковой организм», и полагает, что надо «последовательно изучить, какие внутренние духовные потребности вызывают ее к жизни, как она воплощается в звуковой форме и насколько эти потребности удовлетворяются подобным звуковым воплощением» [Гумбольдт 1984].

В. Гумбольдт осторожен в постановке вопроса о стадиях развития языка. Он считает односторонним взгляд на типы как на стадии. При этом он указывает на то, что существует более совершенная форма языка и закономерный путь развития языков, состоящий в движении в сторону этой совершенной формы. На этом пути возникает конкретная форма различных языков, включающая в себя — поскольку она отклоняется от закономерного строения — две части: негативную, обусловленную ограничениями, наложенными на язык в момент формирования, и позитивную, побуждающую несовершенное устройство стремиться к универсальной цели. Если говорить только о негативной части, то здесь можно думать о ступенчатом подъеме к высшей стадии, но в позитивной части даже несовершенные языки обнаруживают весьма развитую индивидуальную структуру.

Без морфологической классификации невозможен анализ структурных изменений в языке, так как описание изменений отдельных элементов без характеристики их структурной значимости и связи с типом языка не позволит установить причины этих изменений и грамматические тенденции в динамике языка.

В процессе исторического развития языков изменения морфологии особенно ярко выявляют законы развития формы и ее относительную самостоятельность, что выражается как в сохранении старых форм, уже утративших значение, так и в появлении новых форм, семантика которых еще не до конца определилась.

Системность гумбольдтовской типологии языков ясно сформулирована самим ученым в следующем тезисе: «...в каждом языке есть возможность отыскать единую форму, из которой вытекает своеобразие его строя» [Гумбольдт 1984: 160]. Именно эту единую форму Г. П. Мельников впоследствии определит как детерминанту языка. В. фон Гумбольдт видит системность языка не только в синхронном плане: «Система эта напоминает русло, по которому на протяжении многих столетий стремится языковой поток; в рамках этой системы намечаются все основные направления развития языка, и все глубоко индивидуальные стороны языка в результате подробного анализа могут быть возведены к этой основе» [Там же: 90].

Поиск новых путей в типологии

В XX веке типологическое языкознание в поисках более удачной теории шло различными путями, среди которых заметное место занимали:

- привлечение новых уровней к сопоставительному исследованию;
- конструирование внешнего по отношению к конкретным языкам типологического эталона;
- установление системы перекрещивающихся координат, на основе которых можно дать многостороннюю типологическую характеристику языков;
- выделение типов в языке (классификация отдельных языковых явлений);
- создание ступенчатых классификационных схем на основе количественных методов;
- характеристика языковых типов на основе характерных примеров;
- поиск универсальных закономерностей в языковых структурах, в том числе универсальных взаимосвязей между различными свойствами языка.

Типология дает инвентарь понятий, теоретический аппарат и метаязык для сопоставления языков, а кроме того, систематизированный свод знаний о языках, построенный на единой терминологической базе. Типология представляет конкретные данные о наличии в языках тех или иных явлений. Всё это делает

ее незаменимым источником сведений о языках мира для общего языкознания, предметом которого являются общелингвистические категории.

История типологии XX века развивалась от критики традиционной морфологической классификации к пониманию системных связей между специфическими характеристиками языка.

На протяжении XX века были предложены различные типы классификаций:

- формальные / семантические;
- одномерные / многомерные;
- уровневые / межуровневые / интегральные;
- индуктивные / дедуктивные;
- стадиальные / синхронные;
- аспектирующие / синтезирующие.

Отношение Ф. де Соссюра к типологии

Основатель структурно-семиотического направления в языкознании Ф. де Соссюр понимал язык прежде всего как произвольную по отношению к языковой материи знаковую систему (фактически — структуру) и не проявлял большого интереса к проблемам типологии языков. Отметив связь типологии с историей языка: «...ни одна языковая семья не принадлежит раз и навсегда к определенному лингвистическому типу» [Соссюр 1977: 266], Ф. де Соссюр уходит от вопроса о факторах, влияющих на развитие языка, и высказывает лишь сомнения относительно существовавших в лингвистике гипотез о причинах языковой эволюции. В частности, Ф. де Соссюр возражал против положения о том, что «гений расы или этнической группы непрерывно направляет язык на какие-то определенные пути» [Там же: 269].

Таким образом, признавая динамику языка, Ф. де Соссюр считает развитие языка случайным процессом, а кроме того, полагает, что язык несколько не отражает мышление народа: «психологический характер той или другой языковой группы мало значит по сравнению с таким фактом, как исчезновение одного гласного или перестановка ударения» [Там же: 264], которые, по мнению Ф. де Соссюра, способны перевернуть отношения между знаком и понятием в любой из форм языка.

Ф. де Соссюр высказывает интерес к классификации языков в зависимости от приемов, используемых ими для выражения мысли, но считает, что из них нельзя делать выводов о том, что лежит за пределами языка как такового.

Предшественниками новой типологии можно считать Ф. Ф. Фортунатова, стремившегося построить типологию, не связанную со стадиальностью, и О. Есперсена, пытавшегося выйти за пределы морфологической типологии.